

Леонид Деркач

О чем могу рассказать

Воспоминания экс-председателя СБУ Леонида Деркача

12+

Леонид Деркач

О чем могу рассказать

«ЛитРес: Самиздат»

2000

Деркач Л. В.

О чем могу рассказать / Л. В. Деркач — «ЛитРес: Самиздат»,
2000

В своих воспоминаниях экс-Председатель Службы безопасности Украины Л. В. Деркач рассказывает о своем жизненном пути, начиная с самого детства, когда он остался без отца. Тяжелые годы Великой Отечественной, послевоенное лихолетье, учеба, трудовая деятельность, работа в органах безопасности и других государственных структурах на разных должностях — все это предстает перед читателем реалистично, без приукрашивания. Душевный, лиричный тон, в каком автор говорит о своих близких, друзьях, коллегах, наверняка вызовет такое же чувство у любого, прочитавшего книгу.

Леонид Деркач «...О ЧЕМ МОГУ РАССКАЗАТЬ»

Редакторы: В. Лукин, В. Скачко, В. Филиппов
Верстка и дизайн: И. Хвостенко

Корректор: Л. Трипольская

В своих воспоминаниях экс-Председатель Службы безопасности Украины Л. В. Деркач рассказывает о своем жизненном пути, начиная с самого детства, когда он остался без отца. Тяжелые годы Великой Отечественной, послевоенное лихолетье, учеба, трудовая деятельность, работа в органах безопасности и других государственных структурах на разных должностях – все это предстает перед читателем реалистично, без приукрашивания. Душевный, лиричный тон, в каком автор говорит о своих близких, друзьях, коллегах, наверняка вызовет такое же чувство у любого, прочитавшего книгу.

В мемуарах бывшего руководителя украинской спецслужбы немало страниц, повествующих о событиях и фактах, ранее нигде не освещавшихся. Вне сомнения, человек, обладающий большим объемом информации, имеет право на собственную оценку происходившего в Украине и за ее пределами.

В книге также речь идет о многих лицах, в том числе занимавших и продолжающих занимать высокие государственные посты, с которыми автору приходилось общаться.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

Посвящаю моей маме Зое Семеновне Тронзе.

*Чувство глубокой благодарности к ней освещало всю мою жизнь,
заставляло трудиться на благо людей, как делала это она сама.*

ВСТУПЛЕНИЕ

Эта книга – плод моих раздумий последних лет. Признаться, я никогда не планировал писать мемуары. Наверно, оттого, что всегда был слишком занят. И вот когда появилось больше свободного времени, возникла мысль изложить на бумаге то, чем я занимался всю жизнь, рассказать о людях, которые меня окружали, о том, какой непростой мир вокруг нас, и что нужно сделать, чтобы хоть немного изменить его к лучшему.

Вначале хотел беспристрастно зафиксировать события, свидетелем и участником которых я стал. Однако, перебирая факты прошедшего, невольно переживал жизнь снова. И понял – беспристрастно не получится. Поэтому, возможно, кому-то мои оценки покажутся слишком резкими, мнение – категоричным, а выводы – жесткими. Конечно, я мог бы смягчить и оценки, и выводы, опустить некоторые события. Но тогда это будет другая жизнь. Моя задача – не понравиться читателю, а по стараться максимально откровенно изложить свою позицию.

Основная часть книги посвящена службе в органах безопасности, где я работал и в так называемое "застойное время" периода СССР, и на изломе двух эпох, когда рождалось новое государство – независимая Украина, и в период его активного строительства. И какой бы это период ни был, могу уверенно сказать и себе, и людям, что я никогда не прислуживал, а служил. Служил стране, народу. Быть честным перед собой и другими меня с самого детства учили мои родные. А еще они воспитывали во мне характер, умение постоять за правду, и эти качества мне пригодились в будущем. У меня было нелегкое детство, которое пришлось на войну и послевоенное время. Поэтому я вдвойне ценю уроки старших, которые привили мне чувство ответственности.

А что такое рабочая взаимовыручка, товарищеская поддержка, коллективизм, я узнал, начав трудиться на ракетном производстве в Днепропетровске, где занимался изготовлением этих секретных изделий. И когда стал работать в органах безопасности, продолжал заниматься

этим вопросом, но уже защищая ракетные секреты. Много лет был связан с этой темой как контрразведчик. По этому термин "противодействие иностранным спецслужбам" для меня – не пустой звук.

Несмотря на то, что в 90х годах в течение нескольких лет мне пришлось возглавлять Службу защиты технических секретов и Таможенную службу, я по своей основной специальности – контрразведчик. Именно контрразведчиком я всегда и оставался. И когда молодым опером перекрывал каналы утечки секретов с оборонного предприятия, и когда уже Председателем Службы безопасности Украины отвечал за национальные интересы всей страны. В конце 90х, когда мы с коллегами боролись с организованной преступностью и коррупцией, мафиозные кланы, не желая сдаваться, пытались скомпрометировать меня. В своих воспоминаниях я даю ответы на многие вопросы.

Конечно, я не все успел сделать. Но уж слишком близко в то время подобрались мы к самому сердцу ряда преступных сообществ. И это было главной причиной моего смещения тогда с поста главы СБУ.

ДЕТСТВО. РОДИТЕЛИ. ВОЙНА

Но я ни о чем не жалею. Уверен, мне повезло в жизни. Во-первых, меня в основном окружали интересные, преданные своему народу люди, а также мои близкие, моя семья. Во-вторых, дело, которому я посвятил многие годы, считаю очень нужным и важным для страны. Приносить пользу государству, работая в коллективе единомышленников, – это ли не награда?

I. ДЕТСТВО РОДИТЕЛИ. ВОЙНА

...Это, увы, может показаться банальным, но только с годами понимаешь: все начинается с первой памяти о событиях, из которых соткана вся последующая жизнь. Каждого человека, его родных, страны...

...Мне из раннего детства очень хорошо запомнились война и тяжелая работа моих родителей. Я и сейчас, как на картинке, вижу, как вечером 6 января 1943 года мы с мамой идем к ее сестре, которая с мужем жила недалеко от нас. И вдруг темное небо осветило несколько прожекторов, выхватив из него силуэт самолета с черными крестами. Это была "рама", вероятно, прилетевшая с разведывательными целями. Прожектора цепко держали вражеский самолет своими лучами, уводя его в безлюдное место над Волгой. И только там его начали расстреливать из зениток. А я, совсем еще малыш, крепко схватив маму за руку, вдруг четко осознал, что война где-то совсем рядом...

Было это в Куйбышеве. Там мы прожили в эвакуации весь военный период. И действительно все эти годы думали об одном – скорее бы конец войне. Ведь счастливое будущее мы связывали с мирной жизнью, которая, как мы верили, должна была скоро наступить. Так в моем сознании и остались два неразрывно связанных слова – "война" и "Куйбышев". И когда я случайно слышу на звание этого города, у меня в сознании, как наяву, сразу же всплывают темные зимние вечера, уставшие мамины глаза, с тревогой вглядывающиеся в мое лицо, и длинные линии прожекторов, уводящие немецкий самолет к Волге...

...А еще я помню 9 мая 1945 года. На улице – масса людей, они обнимаются, смеются и плачут. Многие кричат: "Спасибо фронту!" – радуются, что удалось дожить до этого дня. Но большинство просто улыбаются и плачут...

...Потом на улице появились большие бочки с бес платным пивом, люди стояли возле них с кружками и говорили: "Ну, наконец все закончилось, мы выжили, теперь будем ждать близких с фронта". И мне, ребенку, то же хотелось действительно верить, что отныне мы станем жить лучше, сможем досыта кушать и каждый день видеть своих родителей...

Родился же я в Днепропетровске 19 июля 1939 года, незадолго до начала войны. Родители мои Василий Аристархович Деркач и Зоя Семеновна Тронза прожили нелегкую жизнь. На их долю выпало много испытаний – и разруха после Гражданской войны, и трагические 30е с их Голодомором, сталинскими репрессиями, и многие другие трудности. Мой отец, как и тысячи его сверстников, после революции остался сиротой. Он помнил своих братьев и сестер, но связь с ними потерял. Мама – из большой семьи, где воспитывалось шестеро детей. Ее отца, моего дедушку, я не помню – он умер вскоре после моего рождения. Он был сапожником, мастером своего дела и фактически главным кормильцем семьи. Проживали они с бабушкой в Валуях (тогда это была территория Украины, а сейчас – Курская область).

Своей далекой родословной я не знаю, хотя меня это интересовало всегда. Узнать кое-что помог случай. На много позже, в 1995 году, на мое имя, тогда уже первого зампреда Службы безопасности Украины, пришло письмо из села Привитов Любарского района Житомирской области, подписанное Григорием Деркачем. Он написал, что не является родственником, а просто хочет сообщить, что в Привитове половина жителей носят фамилию Деркач. Еще до революции, как было написано в письме, в селе жил Аристарх Деркач, у которого среди детей был сын Василий. Потом они уехали в Приднепровье. Автор письма предположил, что, возможно, эти люди мои родные дед и отец. Конечно, это не могло меня не заинтересовать. А тут мне позвонил начальник Управления СБУ в Днепропетровской области Владимир Никитович Слободенюк. Я рассказал ему эту историю, а он отвечает: "Так у меня в Привитове много моих родственников Слободенюков живет". Я договорился с тогдашним Председателем СБУ В. В. Маликовым, что в ближайшую пятницу на выходные поеду туда. Так и сделал, и мы с Владимиром Никитовичем прибыли в село. Как оказалось, половина жителей там – Слободенюки, а половина – Деркачи. А потом нам показали хату, где жил Аристарх Деркач, который, возможно, и был моим дедом. Мы там переночевали, потом осмотрели село. Люди там добрые живут, работающие. Вот так и узнал, откуда мог идти мой род.

Мои родители были трудолюбивыми, честными и скромными людьми. Отец, человек настойчивый и целеустремленный, много учился, работал, стараясь принести пользу стране. Уже после войны мы нашли его сестру, которая также воспитывалась в детдоме, потом проживала в Ленинграде. Она много и с большой теплотой отзывалась о своем брате Василии, моем отце, жалела, что не смогла его найти...

С 1936го по 1938 год родители проживали в Киеве. Отец работал в Совнаркоме одним из руководителей Управления делами. В 1938 году партийную организацию Украины возглавил Н. С. Хрущев. По соседству с родителями проживала семья знаменитого красного командира времен Гражданской войны Ионы Эммануиловича Якира, с которым они дружили. Как известно, Якир в 1937 году был репрессирован.

То был трудный период для всего народа. Многие понимали это и старались хоть как-то обезопасить своих родных. Например, отец никогда в анкетных данных не указывал сведений о своих близких, братьях, сестрах, опасаясь, что и они могут как-то пострадать, если он будет репрессирован. И государственная кадровая политика строилась по принципам военного времени: приказ – и человек вместе с семьей, покидая дом, беспрекословно должен был ехать работать в ту точку страны, куда ему укажут. Так мои родители оказались в Свердловске. В то время это был развивающийся индустриальный край, куда приезжало много специалистов из разных регионов страны. Отца командировали туда на партийнохозяйственную работу. Потом его направили в Днепропетровск. В это непростое время он, как и многие руководители, специалисты, испытывал все трудности тех лет. И огромные нагрузки не прошли даром. Отец тяжело заболел и через три месяца после моего рождения умер.

Мама работала на одном из авиационных предприятий Днепропетровска. Жили большой семьей: мама со мной, ее мама, брат, сестра. Было трудно, но все помогали друг другу как могли. Перед самой войной мама познакомилась с Иваном Тихоновичем Андриенко, с кото

рым трудилась на одном предприятии. Позже она вышла за него замуж, и он стал фактически моим вторым отцом. Человек большой душевной теплоты, Иван Тихонович был и моей опорой в детские годы, и мудрым учителем по жизни. Я всегда называл его папой.

В 1946 году Иван Тихонович предложил мне поехать в Днепропетровск на могилу моего отца и положить на нее цветы в знак того, что мы его помним. В то время у Ивана Тихоновича как у орденосца военного времени было право на бесплатный проезд по железной дороге. Таким же правом пользовались тогда и дети орденосцев. Помню, мы долго добирались до кладбища. Там на шли могилу, положили цветы, и Иван Тихонович сказал: "Спасибо, что ты называешь меня папой. Но этого чело века ты не должен забывать никогда".

...Сейчас уже этого кладбища нет, на его месте стоят гаражи, автозаправка. И мне жаль, что я не могу прийти на могилу отца, которого я хоть не помню, но люблю, ведь он дал мне жизнь. Но также я люблю и Ивана Тихоновича, моего второго отца – он воспитал меня, учил порядочности и честности. Умер Иван Тихонович, к сожалению, очень рано, в 1972 году, когда ему было всего 57 лет. Он очень много и напряженно трудился, не думая о здоровье. Но, конечно, ускорила его смерть работа с токсичными материалами – амилгептилом, жидким топливом для ракет.

Много сил и времени мне и моему брату Николаю (он родился в 1946 году) уделяла моя бабушка Агафья Герасимовна Андриенко. Она вообще была цементирующей основой всей нашей семьи, хранительницей очага. Бабушке тоже досталась нелегкая жизнь. Мужа ее, моего дедушку, которого я так и не узнал, убили во время Первой мировой войны. Так вдвоем с сыном она и жила. А меня бабушка очень любила и понимала. Нередко баловала – давала деньги купить корм голубям, которых мы с ней вместе, втайне от всех, держали на чердаке коммунального дома. Я доверял ей многие свои тайны, старался помочь по хозяйству, наколоть дров, угля, принести продукты с рынка. И когда она тяжело заболела и самостоятельно не могла передвигаться, то просила, чтобы кормил ее только я. Не стало бабушки в 1958 году...

КУЙБЫШЕВ

В 1941 году, когда немецкая армия наступала по всему фронту, началась срочная эвакуация промышленности на восток. Мама, сопровождая эшелон с оборудованием, выехала в Куйбышев. Мы с бабушкой спустя несколько суток отправились туда другим эшелоном. Добрались до станции Кинель Куйбышевской области, куда прибывали все поезда из Украины, и там мама нас нашла (в то время Куйбышев фактически стал второй столицей страны, там была сосредоточена оборонная промышленность, там же находилось и правительство). Затем мы поехали в поселок Безымянка, недалеко от Куйбышева. Здесь же мама с Иваном Тихоновичем, который также приехал в составе эшелона заводчан, создали семью.

Проживали мы с родителями и родственниками вдвоем в одной маленькой комнате площадью всего 16 квадратных метров. Конечно, было тесновато. Но, как вспоминала позже мама, об удобствах тогда не думали, все мысли сосредоточивались на одном – скорее бы за кончилась война.

Родителей я в те годы почти не видел. Они и там работали на авиационном предприятии на сборке двигателей для боевых самолетов и самолетов в полной комплектации. Фактически жили на заводе, ночуя там между сменами. Мама домой приходила раз в неделю, а отец еще реже. Придя домой, мама часто, особенно зимой, когда с продуктами было вообще трудно, брала какие-то вещи, шла по льду через Волгу и в близлежащих деревнях выменивала их на картошку – помогала нам выживать. Потом она снова уезжала на завод, так толком никогда и не отдохнув. И хотя я был совсем маленьким, глядя на усталое мамино лицо, я понимал, как ей тяжело, и мне было ее очень жаль. Часто я спрашивал взрослых: "Мы скоро победим фашистов?".

Но эти трудные годы преподносили и свои уроки, закаляли и нас, детей, учили быть коллективистами. Это потом помогало в жизни всегда. И в этом родители сыграли свою важную роль. Помню, как однажды мама при несла кусок белого хлеба и дала его мне. Меня, маленького пацана, до сих пор не видевшего ничего подобного, по разил его аромат и нежный вкус. Я подошел к открытому окну на кухне и, вдыхая новый для себя запах, стал его есть. И вдруг мама, взяв меня за руку, увела в дальний угол кухни и сказала: "Тебе не стыдно? Там, во дворе, гуляют дети, и им тоже хочется белого хлеба. А белый хлеб – это не твоя заслуга, это – моя любовь к тебе. И этим нельзя похвалиться. За такое поведение тебе должно быть стыдно". Эти слова стали мне уроком на всю жизнь...

Вообще же нам, детям, всегда большое внимание уделяло государство. И когда я учился в школе, и в пионерских лагерях на "Поляне им. Фрунзе" (это лесной массив на берегу Волги), где с нами много занимались, организовывали игры, спортивные мероприятия, рассказывали много интересного и полезного. Но и здесь мои мудрые родители всегда направляли меня на верный путь. По мне, как в пионерлагере мы с ребятами, не предупредив никого из старших, ушли в лес искать птичьи гнезда. Когда вернулись, нам, разумеется, попало. Но самое было досадное – меня лишили права участвовать в соревнованиях по футболу, и наша команда проиграла сопернику. Уверенный, что с моим участием такого бы не случилось, я обиделся и ушел домой, пройдя семь километров по лесу. Когда мама увидела меня дома, она охнула, а узнав, в чем дело, поругала – сказала, что я своим поведением подвел коллектив и принес волнения взрослым. После этого мама снова отвезла меня в лагерь. И это я то же запомнил.

Время то было действительно непростое. Страна, залечивая раны после страшной войны, голодала. В том же 1945 году, накануне моего дня рождения, мама спросила у меня: "Что бы ты хотел в подарок, сынок?". А у меня вдруг в памяти возник вид сушеных фруктов, которые я как-то видел в магазине. Мы с бабушкой покупали там продукты, отстояв в огромной многочасовой очереди и записывая химическим карандашом свои номера на ладонях. Фрукты тогда поразили меня, и я мечтал, что когда-нибудь смогу их попробовать. Замирая от ощущения сбывающейся мечты, я сказал о своем желании. И вот на день рождения мама принесла небольшой кулечек с заветными фруктами.

...Только позже я понял, что маме из-за этого дорого по тем временам подарка пришлось урезать семейный бюджет. Тогда же я был просто счастлив, глядя на сушеные груши, абрикосы, сливы. Несколько штук съел, а из остальных мы сделали удивительно вкусный компот. И так этим напитком отпраздновали мой день рождения. Компот, кстати, люблю до сих пор, чего не скажешь, на пример, о тонике. А все очень просто. В детстве, в пионерлагерях, нам для профилактики давали таблетки хинина – в то время нередко были случаи заболевания малярией. Пили их с отвращением. Хининовая горечь сводила скулы, вызывала тошноту, и это ощущение запомнилось навсегда. И сейчас, когда пробую хваленый тоник, при производстве которого также используется хинин, специфический горьковатый привкус сводит скулы и мысленно возвращает в далекое детство...

После войны мы возвратились в Украину. Но на протяжении многих лет меня тянуло побывать в городе моего раннего детства, где, кстати, так и остались жить мои двоюродные братья и тетя. Но только в январе 1979 года, во время очередного отпуска, я смог это осуществить. Из Днепропетровска в Куйбышев был прямой авиарейс. Я взял билет, и уже через три часа был на месте. Вышел из самолета, а на улице мороз 42. Пока добрался до места, где проживали тетя и брат, было совсем поздно. Но окна в их квартире светились. "Дожидаются", – подумал я и, поднявшись, позвонил. За дверью услышал смех. Оказалось, пока я подходил к квартире, родные, подумав, что я задерживаюсь, решили укладываться спать, и только выключили свет, как раздался мой звонок.

А утром я поехал в Безымянку. Нашел тот двухэтажный дом, где мы с близкими пережили тяжелые военные годы. Небольшой, совсем старый, где уже сменилось не сколько поко-

лений жильцов, дом излучал какое-то тепло и, казалось, сохранял еще наши голоса. Я, не ощущая мороза, долго стоял, глядя на его окна. А потом зашел в школу, где начал учебу. Найдя свой класс, я опустился за парту, за которую я впервые сел более тридцати лет назад, и задумался. Память вновь увела меня в тяжелое, голодное детство. И я долго смотрел на школьную доску, на которой мы когда-то писали детским почерком "По беда!" и "Слава Сталину!", на замерзшие, выходящие в сторону Волги окна, на парты, за которыми когда-то сидели мои одноклассники – серьезные маленькие дети с бледными лицами – предвоенное поколение...

Я уже собрался уходить, как вдруг в класс зашла учительница. "Вы кого-то ожидаете?" – спросила она. "Нет, я здесь когда-то учился", – ответил я и вышел. А затем оказался на той площади, где 9 мая 1945 года люди радовались Победе. Наверное, площадь была все та же, как и раньше, но в детстве она казалась мне гораздо шире...

К сожалению, больше съездить в Куйбышев мне не удалось.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДНЕПРОПЕТРОВСК

После войны мы вернулись в Украину, в Днепропетровск. Иван Тихонович пошел работать на автозавод, на базе которого потом формировалось ракетное предприятие. Жили в частном доме в Новых Кайдаках. Там я и полюбил голубей, пронеся эту страсть через всю жизнь. Наш сосед дядя Миша и хозяин дома Александр, у которого мы снимали жилье, держали голубей самых разных, в том числе и редких пород, и я помогал за ними ухаживать. Сыновья дяди Миши, Анатолий (в будущем судья всесоюзной категории по футболу) и Владимир Гладкие, очень хорошо, подобному ко мне относились.

Потом мы переехали в квартиру в трехэтажном доме в центре Днепропетровска, где птиц держать было сложно, и мне пришлось тайно от всех поместить на чердаке несколько пар голубей.

Вообще интерес к животным, птицам, рыбам у меня стал проявляться рано. Мне нравилось наблюдать за ними, их жизнью. А в начале 50х годов я увлекался разведением аквариумных рыб. Конечно, тогда не было такого оборудования, как сейчас, и многое зависело от энтузиазма любителя рыб. Аквариумы мы делали сами, воду подогревали обычной электролампой, а стенки их чистили старыми бритвенными лезвиями. У меня было около десятка аквариумов, сделанных вместе с отцом. Специального места для них у нас не было, и емкости приходилось держать на кухне, создавая, конечно, массу неудобств моим родным. Но они видели, насколько я глубоко увлечен, и понимали меня. Я как раз начал заниматься разведением икромечущих рыб, имел уже готовые к размножению пары и с нетерпением ждал появления у них потомства. Специалисты знают, какой это трудоемкий и непростой процесс – создать для этого все условия.

Помню, я отсадил в отдельный аквариум пару гурами, и к моей радости самец стал создавать в углу из пузырьков гнездо. А брачная игра у этих рыб никого не может оставить равнодушным. Они, изгибаясь, плавают друг возле друга, меняя при этом свою окраску, которая то затухает, то вспыхивает яркими лучами, напоминая калейдоскоп. Я не спал три ночи, наблюдая за аквариумом и умоляя бабушку не отправлять меня в постель. Ведь процесс появления на свет потомства икрометов очень тонкий: любая случайность может помешать малькам появиться на свет. Каждую минуту все может измениться: рыбкам что-то не понравится, и гнездо останется заброшенным. А бывает, что самка поедает икру, и тогда самец может просто убить ее. Поэтому когда, наконец, из икринок стали появляться мальки, я был понастоящему счастлив.

Кормил я их вначале инфузориями, а потом циклопами и дафниями, которых ловил в тихих днепровских водах, на озерах. Так постепенно я приобрел опыт, и у меня было много икрометов. Занимался я рыбками ради интереса и никогда не думал, что это может принести

ка куюлибо пользу. Но както однажды ко мне пришел дя дя Лева, директор зоомагазина. Он внимательно посмот рел на аквариум и сказал: "Беру мальков, даю по рублю за каждого". Я чуть было не вскрикнул от радости, услышав эти слова, но усилием воли сдержал себя. "Так вы же их потом продадите по 4 рубля 50 копеек, – ответил я, ста раясь придать голосу солидность, – предлагаю взять 400 штук по два с половиной рубля, но на выбор".

Дядя Лева согласился, и я заработал тысячу рублей. Деньги по тем временам немалые. На часть из них роди тели купили мне пальто, а остальные пошли на под держку моего аквариумного хозяйства и в семейный бюджет. Трудно передать словами, насколько я был горд своим заработком. В этот момент я впервые ощу тил себя взрослым...

ШКОЛА

Учиться я начал в Новых Кайдаках, потом в школе №33 и знаменитой школе №100 Днепрпетровска, где у меня были настоящие друзья и талантливые преподава тели. Благодаря им, нашим учителям и наставникам, их вниманию, заботе, умению увлечь нас, мы усердно зани мались учебной, общественными делами, что очень помог ло потом во взрослой жизни.

Об учителях хотелось бы сказать особо. Директор школы Иван Григорьевич Козырь внешне производил впечатление человека строгого, даже суховатого. Однако те, кто его узнал ближе, видели, насколько он был душев ным и добрым. Детей Иван Григорьевич очень любил и старался о нас всегда заботиться. Царившим в школе по рядку и дисциплине мы, конечно, были обязаны нашему завучу Татьяне Марковне Ветегалевской. Она же была инициатором многих школьных мероприятий, занимаясь их подготовкой вместе со старшеклассниками.

Наш классный руководитель, преподаватель матема тики Екатерина Петровна Портнова учила нас не просто предмету, а умению мыслить быстро и точно. На уроках она нередко организовывала своеобразные соревнова ния. Например, пятеро учеников, первыми решившие за дачи, могли раньше уйти с урока. А класс у нас был спор тивный и, конечно, каждый хотел побыстрее решить за дачи, чтобы не только заслужить похвалу учителя, но и побегать на спортплощадке. Математику мы в классе зна ли и любили, и в будущем у нас с этим предметом не бы ло проблем.

Эльза Владимировна Кавецкая, преподаватель рус ского языка и литературы, – увлеченный специалист, очень любила свой предмет и передала эту любовь учени кам. А учитель украинского языка и литературы Николай Николаевич Дербас сумел вызвать у нас настоящий интерес к национальной культуре, и так строил свои уро ки, чтобы из того скупого по объему времени (в неделю выделялось всего по часу на этот предмет) мы смогли взять максимум, полюбить свой родной язык.

Николай Иванович Говорунов, преподаватель физ культуры, сыграл огромную роль в формировании у нас настоящей любви к спорту, умения преодолевать нагруз ки и побеждать. Он учил нас не только быть сильными и ловкими, но сумел воспитать целую плеяду спортсме нов. Человек огромной энергии, он заинтересовал спортом очень многих ребят, и именно благодаря этому в нашей школе табак и алкоголь не приветствовались. В последу ющем Николай Иванович стал одним из известных тре неров по баскетболу. Кстати, из 33 выпускников нашего класса 29 имели спортивные разряды. Сам я играл и в футбол, и в баскетбол, но, как говорится, нашел себя, сев в байдарку. Мне очень нравились ее изящество и ско рость, когда, разогнав эту узкую лодочку, буквально ле тел над водной гладью. Уже став старше, не раз участво вал в различных соревнованиях по байдарочной гребле, занимал призовые места. В 1956 году на первенстве стра ны среди юношей, проходившем под Ригой, попал в эста фету, пришел пятым. А тренировал меня тогда замеча тельный человек Анатолий Николаевич Морозов, заслу женный тренер СССР, судья международной категории. Спортивная команда у нас подобралась

дружная, сплоченная. Виктор Родионов, Олег Кареш, Юрий Бурмак, Юрий Маслачков и другие ребята всегда готовы бы ли прийти на помощь друг другу. И я всегда мог рассчитывать на их поддержку, а они на мою.

Часто вспоминаю Степана Филипповича Скубицкого, нашего учителя зоологии, который прививал нам любовь к животным и птицам. Будучи человеком неравнодушным, Степан Филиппович из кусков фанеры, проволоки и другого подручного материала сделал во дворе школы вольеры и клетки, куда поместил кроликов и разных птиц – уток, гусей, чижов, щеглов.

Много внимания нам уделяла Ирина Яковлевна Литвинова, преподаватель истории. Ее уроки пролетали как миг, а когда она говорила, в классе всегда стояла полная тишина. Мы, как губка, впитывали каждое ее слово – на столько эти рассказы о событиях как древности, так и со временности были увлекательны.

Благодаря усилиям нашего школьного товарища Андрия Вары, руководителя танцевального кружка, у нас в школе очень популярными были украинские народные танцы. Зная об этом, моя мама, искусная рукодельница, вышила нам с братом украинские рубашки-вышиванки. Я хорошо помню, как, надев вышиванку, с гордостью пришел в ней в школу.

Очень интересный был у нас преподаватель черчения Геннадий Дмитриевич Новиков. Эрудированный, грамотный, знающий несколько языков, в том числе немецкий и английский, он помогал своим ученикам овладеть не только графикой черчения, но и навыками решения задач. Мне это очень помогло в будущем осваивать на чертательную геометрию и разбираться с чертежами на производстве. В 10м классе на заключительном уроке перед последним звонком он обратился к нам и сказал: "Мы с вами вместе уже три года. Каждого из вас я знаю. Поэтому, не обижая никого, хочу каждому сказать то, что о нем думаю, и слова напутствия. И помните: в силах каждого изменить себя к лучшему". Это был очень интересный урок. Урок уроков. Каждому он сказал не просто о недостатках, а о том, что нужно сделать, чтобы они не мешали в дальнейшей жизни. Тогда, может быть, мы не смогли в полной мере оценить всю мудрость слов нашего учителя, но потом не раз в жизни возвращались к его напутствиям и вновь мысленно накладывали его пожелания на собственные дела и поступки.

На том же уроке Геннадий Дмитриевич предложил нам избрать "вечного старосту", который был бы объединительным стержнем для всего класса, собирал бы всех на юбилейные встречи и делал все, чтобы мы не забывали и помогали друг другу. Единогласно "вечным старостой" избрали меня.

Нужно сказать, что класс у нас был не только дружный. Это были грамотные, целеустремленные ребята, многие из которых после окончания школы стали руководителями разных рангов, учеными, высококлассными специалистами производства. О некоторых хочется сказать особо. Виталий Зубанов, мой лучший друг, душа компании, жизнелюб, очень открытый, искренний человек. Стал металлургом, после института строил Никопольский ферросплавный завод, а потом был назначен его директором. Защитил кандидатскую диссертацию. К сожалению, он трагически погиб в 47 лет...

Некоторые мои одноклассники посвятили себя науке преподавательской деятельности. Юрий Чебашов – умница, способный математик, защитил диссертацию в Новосибирском отделении Академии наук, сейчас преподает в Академии Таможенной службы Украины, доцент. Борис Бушуев – также кандидат наук, преподаватель университета. Леонид Фишилевич тоже защитил кандидатскую. Валентина Игнатьева, в замужестве Ткач, – чудесный врач, кандидат медицинских наук.

Многие связали свою жизнь с производством. И это не удивительно, ведь Днепропетровщина известна своим металлургическим потенциалом, машиностроением, разными перерабатывающими отраслями. Свой вклад в развитие промышленности области внесли и мои одноклассники. Это Юрий Гуров – выпускник строительного института, одно время работал в Иране, Казахстане, где потом стал одним из руководителей Министерства строительства.

Игорь Иванченко – большой специалист в области цветной металлургии. Михаил Подольный, очень спокойный, уравновешенный человек, много внимания уделял учебе, помогая ребятам осваивать новые темы, стал металлургом, как и Геннадий Буряковский. Олег Харитонов работал руководителем одной из орг низаций по наладке автоматизированных систем управления производством. Анатолий Тополь после школы занимался ракетостроением в НИИ технологии и ракетостроения. Юрий Фотинов, получив специальность строителя, долгое время руководил коммунальным хозяйством в Днепропетровске. Владимир Мотин посвятил себя военной службе, став полковником спецназа Внутренних войск. С армией связал свою судьбу и Леонид Курочка – офицер в Генштабе Министерства обороны СССР. Юрий Белинский занимался партийной работой, затем – на государственных должностях. Великими тружениками после школьной скамьи были Валентин Артеменко, Борис Попков, Игорь Александрович, активный спортсмен, один из ведущих баскетболистов Украины, ставший инженером-металлургом.

Всегда вспоминаю о девочках, которые вносили в нашу бурную мальчишечью жизнь гармонию и спокойствие. Жанна Рось – человек большой души, которая одной своей улыбкой всегда умела сгладить любой конфликт или ссору. Рая Беляева – добрая, отзывчивая. Не могу не сказать о Лиде Федулиной, человеке очень самоотверженном. После преждевременной смерти своей сестры и ее мужа Лида взяла их двоих детей в свою семью. Эмма Андреева, Лида Прилипка, Нина Песковацкая, Рая Солодовник, Таня Мирошина, Люда Пыхненко, Неля Ильчевская, Света Вагченко, Валя Гриченко и другие стали мамами и много сил и терпения отдавали воспитанию своих детей.

К сожалению, некоторых моих одноклассников уже нет в живых. Ушли из жизни Александр Ковалев (был квалифицированным инженером-транспортником), Виктор Маслов (руководил строительными организациями в Днепропетровске), Владимир Убоженко (его судьба складывалась очень непросто), Владимир Батурский, Алла Зундер.

Ребята у нас были активные, участвовали в общественной жизни школы и класса. Меня тоже всегда тянуло в гущу коллектива и всех событий. Я был избран заместителем секретаря школьного комитета комсомола по организации и много времени отдавал общественным делам.

Конечно, друзья у меня были не только в школе. После 8 класса я как-то отдыхал в пионерском лагере. Пообщался со многими ребятами, среди которых был Валера Петренко. Отец его, как и у многих ребят, погиб на фронте. Валера очень любил музыку. Он мог часами, разложив перед собой ноты, упражняться на гитаре. После отдыха в лагере мы продолжали дружить. Как-то Валера рассказал, что однажды, придя с друзьями на пляж, начал играть на гитаре, и его услышали отдохнувшие там артисты из цыганского ансамбля "Ромэн", который как раз гастролировал в Днепропетровске. Они настолько были поражены виртуозностью его игры, что предложили идти к ним в ансамбль. Потом Валера закончил Музыкальное училище при Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского, в 1973м – Львовскую консерваторию им. Н. В. Лысенко, стал известным музыкантом, первым в истории Украины гитаристом, получившим звание народного артиста, бывал на гастролях во многих странах. Сейчас он – солист Киевской филармонии, создал Театр гитары, пользующийся большой популярностью у любителей музыки. С Валерой мы поддерживаем отношения до сих пор.

И после школы мы не раз собирались всем классом. В 2001 году наша школа праздновала свое 50летие. Дирекция разослала всем выпускникам приглашение на юбилей. Получил его и я. Конечно, было очень приятно, что в школе смогли найти своих давних выпускников. Да и интересно было увидеть наших преподавателей, которые еще оставались живы, пообщаться с ними, как с дорогими людьми, давшими нам путевку в жизнь. Как "вечный староста", я созвонился с одноклассниками, выяснил, кто сможет побывать на этой встрече. И в назначенный день мы собрались. Правда, прийти смогли немногие. Но все равно мы были очень рады видеть друг друга. И пусть у моих друзей из далекого детства за спиной немало прожитых лет,

и у многих уже внуки – школьники, но глаза у них светились совсем помолодому. И вот уже совсем недавно мы встретились на другом полувековом юбилее

– 50 лет со дня окончания школы. Были на этом торжестве и наши учителя Э. В. Кавецкая и И. Я. Литвинова. К сожалению, лишь двое... Мы с одноклассниками погуляли по городу, посидели в школе, вспоминая прошлое... День оставил теплое, трогательное чувство... Мы ощущали себя на той встрече так же, как во время учебы в школе № 100. И с каждым годом мы все больше понижаем, насколько важными для нас становятся эти встречи. Наверное, встречаться мы должны уже не раз в 5 или 10 лет, а ежегодно...

ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ. НАЧАЛО ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ЗАВОД

II. ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ НАЧАЛО ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ЗАВОД

После школы я пошел работать на Днепропетровский автозавод (тогда п/я 186, а позже – известный Южный машиностроительный завод, или, как его называют до сих пор, Южмаш), где только начинало разворачиваться ракетное производство. Пока ожидал допуска к работе (учитывая секретность производства, такую процедуру проходили все поступающие), занимался установкой бордюров на дороге возле завода. Примечательно, что по пал я на завод как раз в октябре 1957 года, когда Советский Союз произвел запуск первого в мире искусственного спутника Земли. Помню, как радовались тогда на предприятии: руководители цехов, участков, мастера, инженеры, рабочие – все поздравляли друг друга, улыбались и говорили, что благодаря заводскому коллективу, который внес лепту в это событие, удалось добиться такого успеха. И я тогда остро почувствовал свою причастность к тому, что здесь я буду заниматься очень важным государственным делом, и меня переполняла гордость.

Попал я в экспериментально-сборочный цех. Начальником цеха тогда был Ваганов, заместителем – Леонид Демешко, старшим мастером – Юрий Бегма, мастером участка, где я трудился, – Даниил Азаревич. А моими не посредственными учителями и наставниками стали Виктор Диденко, Георгий Шевченко и Владимир Толмачев

– специалисты высшего класса. Вообще со мной вместе работало много понастоящему талантливых людей, без заветно преданных своему делу. Уже тогда на заводе я почувствовал, что всех нас объединяет гордость за то, что мы выполняем важную для страны задачу. И это роднило нас, создавало неповторимую атмосферу трудового братства.

Те, кто работал тогда на ракетном производстве, помнят, как часто Генеральный конструктор Конструкторского бюро Михаил Кузьмич Янгель и его заместители заходили в цеха, приходили на участки и на месте интересовались, как идут дела. Михаила Кузьмича я тоже часто видел в нашем цехе. Он лично знал руководителей цеха, мастеров и многих рабочих. Несмотря на то, что Янгель занимал довольно высокий пост, был известным ученым, мы знали его как простого, доступного человека, который всегда здоровался за руку со всеми собеседниками, в том числе и со мной, еще совсем молодым рабочим. Михаил Кузьмич живо интересовался ходом работы, проблемами, спрашивал и о личных делах. И нередко в конце беседы добавлял: "Я вас очень прошу не забывать о качестве". Зная, как важна наша продукция для страны, мы добросовестно относились к своей работе, задерживались после смены, когда было нужно.

А таких случаев было немало. Помню, подошел к нам Демешко и говорит: "Ребята, дали на сборку ступень, сроки очень сжатые. Сегодня 25 февраля, а до 5 марта ступень нужно сдать. Ночевать можете здесь, питание мы вам организуем". Никто не отнекивался и не возмущался: мы понимали, что это действительно нужно и важно. По этому спокойно обсудили ситуацию, постелили в углу пару матрацев, чтобы можно было по очереди отдыхать, поставили графин со

спиртом, 10—15 граммов которого, как известно, прогоняют сон, и за трое суток выполнили все, что от нас требовалось. После этого нас поощрили – дали неплохую премию. Надо сказать, на заводе всегда ценились преданность делу и ответственность.

Тогда многое делалось на смекалке, рабочем мастерстве. Например, мастерили мы как-то с Виктором Диденко макеты двигателей для конструкторской отработки макета в целом. Никакой оснастки у нас не было, все изготавливалось, как сейчас говорят, в эксклюзивном варианте. А ведь надо было формы соответствующие придать и с размерами не промахнуться. Но Диденко действительно был мастером своего дела, а я внимательно при слушивался к нему. И мы киянками выкололи из алюминия нужные формы двигателя, сопла, установили на макет. Потом конструкторы делали свои замечания, а мы, как говорится, доводили дело до ума, и затем уже по ним деталям делалась оснастка.

Работа на заводе была интересной, хорошей жизненной школой. Много чего я почерпнул там для своего личного опыта. Мне нравились царящие на предприятии коллективизм и чувство локтя. С интересом участвовал я и в заводской общественной жизни. В 1957 году меня избрала комсоргом нашего экспериментально-сборочного цеха. Комсоргом соседнего сборочного цеха был Виталий Шкуренок, с которым судьба свела меня снова почти через четверть века, когда я был назначен заместителем к нему, уже директору крупнейшего в Украине ракетного предприятия – Павлоградского механического завода.

УЧЕБА В ТЕХНИКУМАХ

В 1958 году я поступил в Днепропетровский горный техникум. Закончил первый курс и с другими ребятами поехал на практику вначале в Павлоград на шахту "Терновская", а затем в поселок Кураховка Селидовского района Донецкой области осваивать то, что учили по учебникам. Прибыли на шахту, там нам говорят: "Будете работать лесогонами". Надели мы робы, спустились в штрек, а в голове мысль: "А вдруг обвалится?". Ведь над нами добрые сотни метров породы!

Так началось наше знакомство с нелегким шахтерским трудом. Задача лесогона на первый взгляд проста: берешь две стойки или распилы и тянешь по вентиляционному штреку забой. Воздух там спертый, под ногами вода, свод штрека "задавлен", как говорят шахтеры, час тихими обрушениями кровли, потолки низкие – не более 130—140 см, а потому передвигаться приходится на полусогнутых ногах. Когда подносишь стойки или распилы к лаве, нужно их так бросить, чтоб упали они к ногам рабочего. А если недобросил, никто не будет их подтаскивать – забойщику уголь нужно добывать, а не "хвосты" за собой заносить. Вот в случае неудачного броска и спускаешься вниз в лаву на 10—15 метров, переносишь свой груз – и за следующим. К концу смены сил не было никаких – не то что стойку держать, сам на ногах стоишь с трудом. К тому же воды брали немного – по одной фляге. Вначале по неопытности всю воду почти сразу выпивали, а потом жажда одолевала. Не выдерживая, хлебали из ручьев, которые в шахтах нередко можно увидеть под ногами. А после из туалета не вылезали – ведь в воде той аммиака много, а он, как известно, действует на организм плохо. Вот так я и принял шахтерское "крещение".

В 1959 году перевелся в механический техникум, который был для меня профильным по специальности. Когда принес туда документы, директор техникума П. П. Караулов (в 1960 году его сменил Н. А. Федоров) поговорил со мной, расспросил о родителях и принял документы.

Учиться в техникуме было интересно. Много из того, что я видел, работая на заводе, стало восприниматься не как отдельные эпизоды, а как целостная картина производства. Нашей "классной" была В. Р. Пальмбах – душевная женщина, которая и воспитывала, и наставляла нас. Преподаватели (а среди них немало было имеющих ученые степени, например, профессор Н. М. Беляев, доцент Д. Н. Медведев и другие) много сделали для того, чтобы мы

стали настоящими специалистами. Интересны ми были для нас лекции, которые читали Н. М. Рябцев, А. Ф. Смирнова, Н. А. Сыпченко, М. И. Генкин. Многие из них одновременно преподавали и в Днепропетровском государственном университете. Уже позже, когда я про должил обучение на физтехе ДГУ, некоторые преподаватели, запомнив меня по техникуму, на экзамене удивлены спрашивали: "А ты чего пришел?".

В техникуме у меня было много хороших друзей. Слава Трунов, Саша Плеханов, Андрей Нор, Саша Доценко, Женя Карлова, Рудольф Зайков, Вера Шутова, Нина Козак, Нина Роменская, Александр Степаненко, Эдик Каплан, Николай Павловский, Евгений Исаков, Евгений Дудник и другие. Кстати, со многими из них мы потом встретились в университете, где продолжили учебу. А с некоторыми ребятами, которые после учебы уехали в разные точки страны, я больше не виделся.

После окончания механического техникума в 1961 году я получил распределение на Южмаш в главный сборочный цех, возглавлял который Николай Иванов – хороший специалист, требовательный руководитель. Многие в цехе мне были знакомы, поскольку с ними я работал еще раньше. Тот же Леонид Демешко, Даниил Азаревич и другие. Назначили меня помощником мастера участка по сборке приборного отсека. Работа была ответственная, ведь теперь мне приходилось не только быть простым исполнителем, но и организовывать производство, и от того, какие я приму решения, зависели результаты всего участка. Я понимал свою ответственность и старался не подводить коллектив.

СЛУЖБА В АРМИИ

Долго поработать на заводе мне не пришлось. Както в начале августа 1961 года, когда рано утром я пришел домой после ночной смены, мама мне сказала: "Леня, там тебе повестка из Кировского военкомата пришла, явиться нужно". Я глянул на листок с печатью. Срок явки – сегодняшний. Значит, отдых отменяется, необходимо идти. Поскольку с мамой, которая собиралась на работу, нам было по пути, я вышел вместе с ней, проводил, а затем прибыл по адресу, указанному в повестке.

В военкомате зашел к начальнику 2го отделения майору Целуйко. Тот как раз торопился на физподготовку – предстояло играть с сослуживцами в волейбол, и поскольку в его команде не хватало одного игрока, предложил мне принять участие. Я согласился, и мы тогда проиграли. На правах самого младшего в команде я сбегал и купил графин с газированной водой, который мы, как проигравшие, должны были вручить победителям. После этого Целуйко мне сказал: "Ты сегодня уходишь в армию, вот билет на поезд до Луганска, где будет проходить твоя служба, документы. Поезд отправляется в 1400". На мое возражение, что мне нужно уволиться с работы, он ответил: "Не волнуйся, военкомат решит все вопросы".

Я глянул на часы. Было 1100. Времени оставалось в обрез. Заскочил домой, взял вещи, а затем заехал в детскую поликлинику, где работала Лена – девушка, с которой мы тогда встречались (через несколько лет она стала моей женой), и вместе с ней отправились на вокзал. Туда уже подъехали мои родные попрощаться.

В поезде таких, как я, призывников было человек десять. Мы приехали в Луганск, потом в Каменнобродский район города, к месту назначения – в нашу воинскую часть. Из КПП вышел сержант, которому я предъявил документы, выданные военкоматом. Тот засмеялся и говорит: "Ну вот, за этим КПП кончается твоя вольная жизнь. Пока ты с этой стороны, я тебе начальник, но только переступишь порог – и ты мой подчиненный". Я улыбнулся и ответил, что к этому готов. Потом вышел офицер и пригласил меня в расположение части – началась моя воинская жизнь...

...Уже далеко позади армейские годы, но я часто вспоминаю их и думаю, что они мне дали, не зря ли это потраченное время? И каждый раз отвечаю себе: "Нет, не зря". Военная

служба научила меня не только ответственности, собранности, умению преодолевать трудности и нагрузки, но и очень важному – умению подчинять и подчиняться. Потом я не раз убеждался, что армейское единоначалие – это не пустой звук, а залог того, что структура, построенная по военному принципу, работает четко и надежно.

...Попал же я, как оказалось, в роту специального назначения, которую готовили для отправки в ГДР. Карантин проходил на полигоне в Трехизбенке. Наш непосредственный командир сержант Джурабаев, очень требовательный и взыскательный, поддерживал в подразделении жесткую дисциплину. Физически нагружал нас сполна: беговые кроссы в противогазе мы пробегали практически ежедневно. Но благодаря тому, что до армии я активно занимался спортом, с нагрузками справлялся успешно. Среди моих сослуживцев оказалось немало спортсменов, и все они оценили роль полученной на гражданке физической подготовки.

Вообще, умению преодолевать трудности в нашей части придавалось большое значение. И командир полка полковник Нищев, и командир роты капитан Калинин, и взводный старший лейтенант Цеханский – все много и настойчиво занимались спортивной подготовкой. И вот в конце ноября мандатная комиссия решала вопрос по отправке в ГДР. По каждому персонально. Когда представитель мандатной комиссии взял мои документы и внимательно глянул на графу "место работы", то сразу же заявил, что я никуда не поеду. Потом назвал еще три фамилии (все они работали до армии на Южмаше) и сказал: "Передай им, чтобы и не заходили". И тогда впервые мне стало понятно, что причастность к заводским секретам является не только моральным преимуществом, но и большим ограничением в жизни. Уже значительно позже, работая в органах безопасности, я не раз сталкивался с подобными случаями, когда "секретноситель" не мог выехать за рубеж, был несвободен в контактах и передвижениях. Но такова была жесткая система государственных приоритетов, когда защита секретов была одной из важнейших задач в стране.

Вскоре после комиссии я был отправлен в часть, располагавшуюся в Белой Церкви Киевской области. Здесь и прошел основной период службы. Занимались мы инженерным обеспечением войск, учились взрывному делу, системе разминирования. Было много практики: тренировались закладывать взрывные устройства, правильно осуществлять подрывы, обезвреживать мины разных видов – противопехотные, противотанковые и т. д. Надо отметить, что все наши воинские руководители – и командир части подполковник Нечаев (умница, эрудит, по тому преподавал в одной из военных академий в Москве), и его заместитель майор Ершов (Герой Советского Союза за участие форсирования Днепра во время Великой Отечественной войны), и ротный капитан Бандинок, его заместитель Буго (латыш, интеллигентный, воспитанный человек), и взводный лейтенант Вячеславов – при давали нашей подготовке большое значение. И делали это системно.

Во время службы я продолжал заниматься математикой, физикой, рассчитывая после армии поступить в вуз, чтобы продолжить учебу. Както заметил, что некоторые наши офицеры – курсанты академий – тоже сидят за учебниками, решают задачи. Мне стало интересно, смогу ли я одолеть задачи для высших военных вузов. Набрался смелости и попросил у начальника штаба Соловьева, который тоже учился в одной из академий, дать мне попробовать свои силы. Он удивился, но учебник дал. Я успешно справился с несколькими задачами, чему Соловьев удивился еще больше и вдруг попросил меня ему помочь. Я с готовностью взялся за дело, а про себя мысленно поблагодарил моих школьных и техникумовских преподавателей, которые, не жалея сил, прививали мне и моим одноклассникам интерес к точным наукам.

Вскоре уже несколько офицеров стали регулярно обращаться ко мне с просьбой помочь выполнить те или иные задания. Я не отказывался, всегда с удовольствием используя лишнюю возможность позаниматься, восполнить пробелы в знаниях. Помню, сидел я както раз в ленинской комнате, углубившись в одну из математических задач. Вдруг слышу сзади голос: "Да что ты мучаешься?". Оглядевшись, а это командир части подполковник Нечаев. Я вскакиваю, а он

машет рукой: "Сиди, сиди". А сам заинте ресованно поглядывает в мою тетрадь. "Ну, так это про сто", – смеется и подсказывает ход решения. И хотя мне было немного не по себе, что командир части вот так за просто со мной беседует, про себя я подумал, что он мо лодец, не только толковый командир, но и грамотный специалист. Добрый десяток лет как вуз закончил, а ма тематические формулы отлично помнит.

Вообще на душевных людей мне везло. Хорошо за помнил случай, когда накануне моего дня рождения меня вызывает один из офицеров, вручает запечатанный пакет и приказывает доставить его по назначению в одно из подразделений в Днепропетровской области. "Сегодня 18 июля, завтра – 19е, твой день рождения. Доставишь пакет, получишь расписку и по дороге заедешь домой, от метишь с родными праздник". Услышав эти слова, я не сказанно обрадовался. Побывать на день рождения в родном городе – это ли не лучший подарок! И когда неожиданно появился дома, родные очень удивились и обрадовались.

Говоря об атмосфере, царившей тогда в армии, хотел бы отметить, что во взаимоотношениях военнослужащих разных национальностей никогда не возникало никаких конфликтов. Наоборот, отношение выходцев из тех или иных республик друг к другу было самое уважительное. Со мной вместе служили эстонец Александр Лукин, латыши Эдуард Приеде, Вольдемар Перканс и Эрик Пиешинш, литовец Альдиргес Мисюнас, казахи Айназаров и Ненадов, азербайджанец Юрий Айразулов, много ребятукраинцев – Николай Головкич, Юрий Михайлов из Донецкой области, Валерий Доротич из ИваноФранковска, мои землякиднепропетровцы Рудольф Зайко (с ним я учился в техникуме), Ефим Ман, одессит Наум Кушнир и многие другие. Веселые ребята и надежные товарищи. Запомнилось очень мне, что военнослужащие из Прибалтики с техникой были на "ты", быстро осваивали военную аппаратуру, электроприборы, особенности работы взрывных устройств. И при этом нос не задирали, держались спокойно и доброжелательно. Это очень им понировало.

Ценились у нас и хорошая шутка, и солдатский юмор, который никогда не давал скучать. Некоторые случаи за помнились навсегда. Сидел както наш взвод на кухне в наряде, картошку чистил. А Наум Кушнир, наш главный юморист, вдруг говорит, обращаясь к старшине: "Товарищ старшина, почему у нас так невесело? Надо бы спеть". "Давайте, пойте", – поддержал предложение тот. Наум, оглянувшись на меня, чистящего в углу картошку, хитро подмигнул и заявляет очень серьезно, без тени улыбки: "Да вот Деркач у нас хорошо оперные арии поет. Особенно арию умирающего лебедя из балета "Лебединое озеро". Слезу вышибает". И повернувшись ко мне, от чаянно стал подмигивать, как бы призывая: "Подыграй!".

Старшина ко мне: "Ну давай, спой". И Кушнир, не переставая подмигивать, туда же – серьезным голосом поддерживает старшину: "Не стесняйся, спой!". Я отне киваюсь, а старшина и слышать ничего не хочет, нарядом вне очереди грозит. Потом разобрались, что к чему, и долго еще со смехом вспоминали этот случай. Слава Богу, что старшина был из другого подразделения, а потому последствий по службе не было.

Сам я тоже любил пошутить. Иногда, правда, делал это, как говорят, на грани фола. Както заступил дневальным на контрольнопропускной пункт, а побриться не успел. Заходит на КПП дежурный офицер и, глянув на меня, строго: "Почему небрит?". Не знаю, что на меня нашло, но я вдруг выпалил: "Дал слово: пока не освободят греческого патриота Магнолиса Глезоса – бриться не буду!". Офицер ошалело посмотрел на меня, переваривая мою наглость, а потом язвительно: "Ну что ж, тогда будешь сидеть в наряде, пока не освободят". Пришлось объяснять, что я погорячился...

А вообще служба меня сводила с людьми добрыми и отзывчивыми. Так, в 1962—1963 годах в стране была очень тяжелая ситуация с продовольствием. Во всех родах – огромные очереди. И у нас в части появилась инициатива – хлеб резать тонко, а излишки передавать в детские дома и интернаты. Нельзя сказать, что мы ели досыта – солдатская пайка была скромной, но все равно старались резать хлеб небольшими кусочками, чтоб де тям досталось больше.

Хорошая у нас была и комсомольская организация, как говорили тогда, крепкая. Мне очень импонировал наш комсорг старший лейтенант Игорь Мазий. Организатор был великолепный. А на аккордионе играл – за слушаешься! Нередко он устраивал концерты своими силами. Зрители – жители соседних сел – всегда были до вольны. Выезжали артисты военнослужажие и в районные клубы, демонстрировали свое творческое мастерство. В этих, а также других мероприятиях я всегда с удовольствием участвовал. Общественная работа очень нравилась. Мазий мне говорил тогда: "В партию тебе надо – заслуживаешь. Решайся – рекомендую". Так потом и случилось. Я написал заявление, прошел испытательный срок и стал членом КПСС.

Конечно, тяжела была военная служба. И уставали очень, и скучали по дому, по близким. Но и тут старались найти время для своих увлечений. К примеру, я познакомился с ребятами-голубеводами, призванными из Кривого Рога, и мы уговорили командира части подполковника Нечаева позволить нам разместить птиц на чердаке караульного помещения. С энтузиазмом взялись за дело, и вскоре у нас появилась неплохая коллекция голубей. Постепенно к ним стал расти интерес и у других, посмотришь на наших пернатых начали приходить не только солдаты, но и офицеры. Даже Нечаев часто заглядывал в голубятню и задавал вопросы. А как-то повадилась пара ястребов таскать у нас птиц. Тогда Нечаев взял мелкокалиберную винтовку и лично уничтожил хищников.

В 1964 году нескольких военнослужащих срочной службы, в том числе и меня, отправили в Киев на командирские курсы, по окончании которых нам были присвоены офицерские звания. А в июле того же года из Днепродзержинского университета мне пришел вызов на вступительные экзамены на физикотехнический факультет. Его называли еще "факультетом ракетчиков", потому что получившие там диплом шли трудиться исключительно на Южный машиностроительный завод и в Конструкторское бюро "Южное" (КБЮ). Поскольку у меня была постоянная учебная практика в армии, я успешно сдал экзамены и был зачислен на первый курс. В октябре закончилась моя военная служба. Как я тогда думал, навсегда: впереди – учеба, студенческая жизнь...

ВУЗ

Высшее образование у меня и моих сокурсников началось с практики в колхозе. Так было принято – все начинающие студенты проходили "трудовое крещение". Как человека с определенным жизненным опытом меня сразу же назначили старостой группы. Работали мы в селе Верховатовке Павлоградского района, сначала в одном колхозе, затем другом. Занимались уборкой арбузов, кукурузы, свеклы – словом, делом, знакомым для всех отправлявшихся на сентябрьскую практику студентов.

Именно там, в колхозе, я впервые обратил внимание на интересную закономерность, которая лишним раз убедила меня в том, что настоящий хозяин при любой системе собственности остается всегда хозяином. Так, один председатель колхоза продал райпотребсоюзу 80 тонн арбузов по 15 копеек за килограмм "на выбор", а второй запросил 20 копеек. Мы спрашиваем у первого председателя: "Зачем же дешево себе в убыток?". А тот смеется: "Да не в убыток же я. Во-первых, у меня никогда больше 110 тонн арбузов не было, поэтому все равно заберут почти все. А во-вторых, увидите, что будет дальше". И правда: грянули ранние морозы, и у второго председателя арбузы померзли. Их неvoz можно было даже скормить скоту, и все списали на "погодные условия". Тогда была именно такая система...

Трудовой месяц пролетел быстро, и вот мы уже сидим в аудиториях. Первый курс на физтехе показал, что учиться там было очень непросто. Большие учебные нагрузки, интенсивность занятий оказались под силу далеко не всем. Уже к концу учебного года отсеялось около 10 человек, потом еще несколько.

Но оставшимся повезло: у нас был сильный преподавательский состав. Ведущие кафедры возглавляли известные ученые, признанные авторитеты в своей области.

Так, кафедрой сопротивления материалов и теории упругости заведовал профессор В. И. Моссаковский (в послевоенном ректор университета). Солидная у него была и команда – доктора, кандидаты наук: В. И. Онищенко, В. И. Голуб, Е. А. Ларионова, В. И. Конох. Математику нам преподавала глубоко знавшая свой предмет Л. И. Кейбал, теоретическую механику – Б. Г. Тульчинский, тепло технику – профессор Н. М. Беляев, аэродинамику – В. Е. Давидсон, а технологию – А. Н. Кваша и Е. А. Джур. На спецкафедрах тоже были серьезные ученые – профессора М. И. Дуплищев, Ю. А. Сметанин, Г. Д. Макаров, В. А. Махин, В. Ф. Пресняков, Е. А. Макарова, Ю. Д. Шептун, Н. И. Игумнов, Н. Ф. Геросюта, И. Г. Хагин. Это подтверждают все, кто учился или работал в те годы в университете и в других вузах города, а также инженеры, конструкторы ЮМЗ, КБЮ, других предприятий, куда направляли выпускников физтеха: эти преподаватели готовили специалистов действительно высокого класса.

При этом они много занимались и наукой – как прикладной, так и фундаментальной, разрабатывали интересные идеи. И нас учили этому. Вспоминаю один случай: в днепропетровском Доме ученых проводилась всесоюзная научная конференция. И вот, вы ступая на ней, профессор М. И. Дуплищев вдруг выразил сомнения в истинности для всех случаев теории Эйнштейна. "На объекте 100, где мне дали возможность провести эксперимент по привязке спутника к точке на поверхности Земли, – заявил он, – теория не совсем отвечает той модели, которую мы сегодня используем". А из зала – удивленный вопрос: "Так что, термоядерные реакции не должны существовать?". "В свое время хорошую сталь плавляли по теории теплоты, – парировал Дуплищев, – а когда появилась таблица Менделеева, то сталь начали плавить по химической формуле, но от этого ее качество не изменилось. Так что и мы должны творчески подходить ко всему, в том числе и к постулатам Эйнштейна". В ответ зал зааплодировал.

Хочу подчеркнуть, что разработка ракетных тематик была делом новым, шли, как говорится, по непройденной дороге. И нередко эта работа была сопряжена с риском. Так, предмет "Двигатели на новом виде топлива" у нас читал преподаватель спецкафедры № 2 И. Д. Токарь, ищущий, увлеченный ученый, который изучал проблему использования фтористого топлива. Однако эта тема оказалась для него роковой. Через два месяца после испытаний топлива, которые проводил Токарь, он заболел и умер. К сожалению, на этом нелегком пути это была не единственная смерть...

Физтех отличался от других факультетов. Впрочем, располагались мы автономно от других, учитывая секретность нашей будущей работы, вход в здание – только по пропускам, конспекты с учебными записями – строгой отчетности. Впрочем, был неплохо поставлен воспитательный процесс. На факультете с самого начала существовала система ответственных за группы, своего рода классные руководители. У нас таким ответственным была старший преподаватель кафедры черчения и начертательной геометрии Неля Петровна Давыдова, отзывчивая, внимательная женщина, делившая с нами все проблемы и радости. Большую работу проводила и партийная организация факультета. А надо сказать, из 400 членов КПСС физтеха 350 были студентами. Люди с определенным жизненным опытом, проработавшие на производстве, отслужившие армию. И на партсобраниях нередко тон задавали именно они. Некоторым преподавателям, несмотря на ученые степени и должности, порой приходилось отвечать своим студентам на не легкие для них вопросы.

Я был заместителем секретаря парторганизации курса и активно участвовал во всех мероприятиях. Именно мы на общем собрании принимали кандидатом в члены КПСС доцента В. Ф. Преснякова – будущего ректора университета. В президиуме тогда находились секретарь нашего парткома А. Н. Кваша и профессор В. И. Онищенко, человек авторитетный и принципиальный. Почти сразу же он спросил Преснякова: "А кто вчера на шестом курсе принимал

экзамен по тепловым процессам двига телей?". "Я", – отвечает тот. "А как же из 18 студентов группы 14 получили двойки? Кто же зачет принимал?" – удивляется Онищенко. "Я", – снова повторяет Пресня ков. "Так если студент сдал зачет, значит на тройку, как минимум, он уже знает?" – продолжает Онищенко. Пресняков в ответ поясняет, что всех, кто переспрашивал его вопрос, он удалял с экзамена. Тут уже не выдержал и включился в разговор В. И. Моссаковский, который под держал позицию Онищенко. А из зала прозвучал вопрос: "Что такое демократический централизм?". И Пресня ков, видимо, растерявшись или забыв, что он на партий ном собрании, вдруг строго говорит: "Так я не понял, это демократический централизм или я снова...". И весь зал: "Ну вот, перепутал экзамен с партсобранием, снова спра шивает, значит, в партию не готов". И состоялся у нас хо роший принципиальный разговор о необходимости кого бы то ни было – преподавателя, студента – всегда отно ситься к своему делу неформально. Запомнили мы то со брание надолго.

А вообще на факультете у нас царила атмосфера од новременно и товарищеская, и принцициальная. Те, кто пренебрегал традициями физтеха, безответственно отно сился к коллек тиву, к учебе, на уважение товарищей рас считывать не могли. И с такими людьми мы расста вались без сожаления. К примеру, учился у нас сын одного из за местителей командующего Киевским военным округом. Парень держался высокомерно, занятия пропускал, счи тая, что папа ему, в случае чего, поможет. Такое поведе ние задевало не только нас, но и нашего декана Густава Дмитриевича Макарова. Попытки вразумить зазнайку пользы не приносили. И тогда Густав Дмитриевич со брал актив курса и пригласил на него отца этого студен та. Почему-то верилось, что он, как человек военный и ответственный, поймет нас. И действительно, вначале наш гость доброжелательно посматривал на сидящих, добродушно улыбался. Но как только речь зашла о его сыне, вдруг рассердился и заявил: "Вы что, хотите, чтоб он ушел из вуза, стал обычным работягой и попал на завод, где пропадет?". Откровенно говоря, для многих из нас, пришедших на студенческую скамью прямо из рабочего цеха, слышать такое было оскорби тельным. Мы поднялись и стали уходить из помещения. Отец этого парня понял, что поступил нетактично и начал извиняться. Но мы его уже не слушали, и таким образом отец сам решил судьбу своего сына...

... Не зря говорят, что жизнь студента длится от сессии до сессии. И запоминаются экза менационные периоды особенно. Надо сказать, преподаватели знали нас, своих студентов, неплохо и на экзаменах просто проверяли, в ка кой степени усвоен материал. Хотя у каждого из них был свой подход. Например, В . И. Онищенко и В. И. Мосса ковский если принимали у студентов зачет, то на экзамен по этой теме они много времени уже не тратили. Задава ли пару вопросов и сразу видели уровень знаний. Также и В. Е. Давидсон (профессор кафедры аэродинамики, из вестный ученый) экзамен в группе из 25 человек прини мал за полторадва часа. Причем запускал в аудиторию он всех, потом давал каждому по билету и, проходя меж ду столами, смотрел, как начинают писать на него ответ. Если видел, что студент пишет пра вильно, говорил: "Сле дующий вопрос". И так каждому. А потом давал задачу и в зависимости от ее решения определялся с оценкой. А вот сопромат преподавателю В. К. Голубу, человеку скру пулезному и требовательному, мы сдавали весь день. Эк замен начинался в 900 и закон читься мог в 2300. К ве черу замученная группа уже сердилась и возмущалась (а надо сказать, что никто из нас, пока не сдаст последний, домой не уходил), и думали, что преподаватель из нас специально "выдавливает все соки". Но потом, спустя го ды, когда на практике пришлось применять эти знания, многие из нас не раз мысленно сказали Голубу "спасибо". И не быть благодарным ему нельзя, ведь он обучил нас сопромату понастоящему.

Конечно, студенческие годы – интересные, насыщен ные. Они успевали вместить много всего. Но шло время, мы становились все грамотнее, осваивали новые науки. Понимая, как важны для моей будущей специальности получаемые в вузе знания, я усердно постигал пред меты. Видимо, заметив мое упорство, а также учитывая то, что я имел опыт работы на произ-

водстве, на кафедре техно логии мне предложили работу по хоздоговорной тематике с небольшой оплатой – 37 рублей 50 копеек. Плюс стипендия 62 рубля 50 копеек. В итоге я получал по тем временам неплохую для студента сумму.

Мне, понятно, в то время дополнительные средства совсем не мешали. Ведь 25 июля 1965 года я женился, и теперь – как главе семьи – мне нужно было думать о ее обеспечении. Женой моей стала студентка медицинского института Лена, с которой я познакомился еще 1 мая 1959 года во время массовых гуляний. Мы долго дружили. Было и испытание разлукой, когда я служил в армии. Однако Лена ждала меня, и через год после окончания службы мы решили сыграть свадьбу. В июле 2005 года мы отмечали 40летие нашей супружеской жизни, вспоминали, как тогда воспитывали сына, а сейчас внука.

Но, конечно, не только деньги играли роль. Сама работа по заказам ЮМЗ и КБ "Южное" давала возможность получить практические знания, сказать новое слово в области ракетостроения. И люди на кафедре были интересные: Д. Н. Медведев, А. Д. Кваша, Е. А. Джур, Д. В. Нечушкин. Заказы от завода и Конструкторского бюро поступали разные. Проверяли мы, например, герметичность различных деталей и узлов изделий с помощью вакуумного способа. И изготавливали для этой цели специальные камеры, установки. Интересные работы по сварке биметаллов, неповоротных стыков изделий при заправке и т. д. мы проводили совместно с Академией наук и Институтом электросварки им. Е. О. Патона. И были очень рады, когда удавалось улучшить качество изделия, его технологические показатели.

Во время каникул продолжали трудиться в колхозах, в основном на строительных работах. В 1968 году, например, наш студенческий строительный отряд выехал в Никопольский район Днепропетровской области на ремонт фермы. Нас было восемь человек – все ребята, и лишь одна девушка – жена Толи Малюги в качестве кухарки. Объем работы оказался немалый, по сути, не трогали лишь стены. Работали, что называется, от зари до зари. В 5 утра уже на ногах и на ферму. В 9 часов – завтрак, в 15 – обед. Поздно вечером заканчивали работу, шли искупаться на озеро, ужинали – и спать. В итоге за 27 дней сняли старую крышу, вместо нее сделали двойную с утеплением, воздуховодами, поставили кирпичные коромышки. Когда приехало колхозное начальство принимать работу, председатель долго ходил вокруг фермы, осматривал, ощупывал. Потом повернулся к нам и сказал не громко: "Молодцы, хлопцы". Затем сказал бухгалтеру: "Что они у нас на еду брали – списать надо. Они больше заработали". И снова к нам: "Деньги свои вы заработали честно. Ну, а теперь говорите, что хотите кроме зарплата ты?". Мы ему: "Да яблоки у вас хорошие". Председатель без лишних слов взял лист и на нем написал: "Прошу вы дать фрукты студентам по потребности". А потом подумал и добавил: "А еще всем – по мешку пшеницы".

Радостные оттого, что наш труд высоко оценен, мы пришли к бригадиру за фруктами, прихватив с собой по мешку. А большую тару брать нам казалось нескромным. Бригадир, глянув на листок с резолюцией председателя колхоза, удивленно посмотрел на наши мешки и сказал: "Это что, у вас такие потребности? А ну, скидайте ваши спортивные штаны, набросаете и туда". Набив яблоками мешки, еще и штаны, мы поместили нашу фруктовую "премию" на грузовую машину, которую выделил нам колхоз, и поехали домой. По дороге ребята отдали мне зерно. Имто не нужно, а я потом ползимы еще кормил своих голубей.

Заработали мы тогда по 675 рублей – деньги по тем временам немалые. Чувствуя себя богачами, мы с женой поехали в Киев, что-нибудь купить себе и родным. Хотим по Крещатику, смотрим – очереди кругом огромные. Вдруг видим – в какомто подъезде с рук искусственные шубы продают. Подошли, выбрали и, переплатив 20 руб лей, были очень рады этой покупке. Кроме того, я купил себе туфли, костюм и игрушки маленькому сынишке Андрию. Вот так я заработал и потратил первую серьезную зарплату. А шубу эту жена еще долго носила, потом из нее сделали полушубок Андриюше, когда он ходил в шестой класс...

Конечно, в студенческие годы многие старались где то подработать – стипендия небольшая, и денег на все не хватало. Ну да опыт подобных подработок у меня уже был – еще в техникуме мы бегали разгружать вагоны и баржи. Помню, за ночь с друзьями разгрузили баржу пшеницы. К 9 утра, выгрузив последний килограмм и получив расчет, мы, наконец, отправились домой. И по дороге Алик Харитонов говорит мне: "Я зайду к тебе на минутку, попью воды". Зашли, Алик выпил воды, присел на диван с одной стороны, я с другой. И в эту секунду мы одновременно повалились на диване в разные стороны и заснули. До 10 часов вечера нас никто так и не смог раз будить...

Учась в университете, работал я не только на погруз кахразгрузках вагонов, но и на мясокомбинате. Работа на комбинате ценилась тем, что ежедневно разрешали выносить с собой килограмм мяса. Учитывая дефицит про дуктов в то время, для семьи это было хорошее подспо рье. Вообще мы с ребятами всегда подсказывали друг другу, где можно заработать. А у Коли Шиловского из нашей группы были даже адреса различных баз, овоще хранилищ, где на разгрузках можно было пополнить свой бюджет.

Среди моих сокурсников было много интересных ребят, с которыми потом жизнь неоднократно сталкивала нас и по работе, и случайно. Виктор Подмогильный стал моим коллегой, когда я уже служил в органах госбезопасности. Александр Романов в последующем возглавил Павлоградский механический завод. С Анатолием Бата ем, занявшим со временем должность заместителя директора этого же завода, мы тесно общались во время моей работы в Павлограде. Нередко я виделся и с ребятами, работавшими после вуза на ЮМЗ, КБЮ, в других местах. Это Анатолий Стрибиж, ведущий конструктор КБЮ, Слава Трунов, директор Днепропетровского завода "Динамо", Виктория Вениченко работала в таможне. Остались заниматься наукой в университете на разных кафедрах Иван Чернега и Анатолий Люлько. Разработкой космических объектов в КБ стала заниматься Таня ПешехоноваНовикова, в свое время неоднократно чемпионка СССР по бадминтону, которая на третьем курсе перевелась к нам из Москвы.

Всякое было в эти годы. Вспоминаю один случай, который произошел в 1968 году. На водной станции у меня тогда стояла лодка, на которой летом выезжали мы с родными и друзьями отдохнуть, половить рыбу. А в ту зиму были сильные пыльные бури, которые, поднимаясь над городом и смешиваясь со снегом, задали немало проблем. Пыль грязным толстым слоем оседала на дорогах, домах, забивала окна. Соседи рассказали мне, что на водной станции пыль завалила лодки, и некоторые под ее тяжестью ломались. Волнуясь, не случилась ли такая беда с моей лодкой, я направился к месту ее стоянки. Нашел ее, заваленную грязным снегом, и стал сгребать его лопатой. И вдруг услышал пронзительный крик. Оглянулся – в промоине, недалеко от берега, мелькает чьято голова. В том месте как раз находился канализационный сток, лед внизу подтаял, и кто-то, видно, не рассчитав нагрузки, провалился. Раздумывать и искать помощи было некогда: мороз стоял минус 25, и дорога была каждая секунда.

Схватив два весла, я побежал по льду к тонущему. Уже вблизи я увидел, что это был мальчик. Лед подо мной стал трещать и я, чтобы не провалиться тоже, лег на одно весло, а другое протянул мальчику. "Хватайся!" – крикнул ему. Мальчик попытался взяться за весло, но у него ничего не получалось. Понимая, что вопрос решают всего несколько мгновений, я положил под грудь второе весло, подполз вплотную к воде, схватил мальчика за руку и, пятясь назад, смог вытащить его на лед. Он выглядел совсем ребенком, на вид лет девять, совершенно замерзший, в полубморочном состоянии. Я подхватил его на левое плечо и что было силы побежал к сторожевой будке, находившейся от нас в 150 метрах. Задыхаясь от тяжести, я крепко держал мальчика и думал лишь о том, чтобы быстрее добраться до цели. Это расстояние казалось бесконечным. Наконец, вбежал в сторожку. И сразу же за мной заходит мужик, держа в руках две бутылки дешевого вина "Біле міцне". Я, не говоря ни слова, выхватил у него вино, налил в стакан и, разжав стиснутые от холода зубы мальчика, влил ему почти все.

Потом снял одежду и растер его. Вскоре ребенок стал приходить в себя. Рассказал, что живет недалеко отсюда, с мамой, а на Днепр пришел покататься на коньках. Звали его Женя Засимович. Он не знал, что в том месте лед был непрочным и провалился. В сторожке нашли старую телогрейку, какие-то сапоги, одели его, и я ушел с ним домой.

Потом ко мне приходили его мама, родные, благодаря рили. А мальчик еще долго заезжал в гости. Позже меня спрашивали: что я думал в тот момент, когда вытаскивал его из воды? Скажу откровенно – ничего не думал, все было просто – гибнущий ребенок и ты. И я не считал себя героем. Просто был рад, что мне удалось спасти чело человеческую жизнь.

...А потом студенческий период закончился. Дипломную работу по теме "Проектирование и разработка ракеты дальностью 7 тысяч километров" я защитил успешно. Технологическая часть была на тему "Прогрессивная технология в цехе окончательной сборки изделий", и дипломную практику проходил я в том же цехе, где работал после школы и техникума. Руководители там оставались прежние – Иванов, Демешко, Азаревич. Я был рад встрече с ними – в свое время они учили меня азам рабочей профессии. И теперь, когда после окончания вуза и распределения получил назначение именно в этот цех, я считал, что мне повезло.

РАБОТА НА ЮМЗ

В своем родном цехе я стал работать технологом, потом старшим технологом. Занимался сборкой всех ступеней изделий, сваркой неповоротных стыков, в том числе пусковых контейнеров. Работы было много. Но трудился с энтузиазмом и интересом – хотелось принести как можно больше пользы заводу. Мы, например, разработали технологию, по которой на контейнере вместо 132 стыков оставалось 56. Выигрыш – несомненный: это и меньший вес изделия, и упрощение изготовления, и надежность. А главное – изделие было в исправном состоянии, ампулировано, что позволяло надолго продлевать гарантийный срок, а значит, серьезно экономить государственные средства. И таких улучшений мы сделали немало.

Техсектором руководил тогда Марьян Данатович Тарасевич, опытный, грамотный специалист. Под стать ему подобрался и коллектив: Валентина Грибанова, Галина Шептун, Виктор Алексеев, Валерий Шукин, Лилия Пашиной, Виктор Гриненко, Валерий Фролов и другие. Они сопровождали разработку техпроцессов, начиная с создания макета изделия.

Технологический процесс сборки был одним из самых трудоемких, т. к. он согласовывался не только с КБ, ОТК, но и с военной приемкой. Требования к качеству были очень высокими, и любое отклонение грозило остановкой сборки со всеми вытекающими последствиями. Руководил военной приемкой тогда требовательный офицер, грамотный инженер с символической фамилией

– А. Ф. Владыка. В его подчинении были толковые офицеры, такие, как Олег Ткач и другие, которые в совершенстве знали конструктивные принципы работы изделия и требования к нему. Во время утверждения документации много внимания уделялось согласованию технологических процессов, соответствию их нормативной базе и тактико-техническим характеристикам. Имея опытных и грамотных оппонентов, мы получали дополнительные знания и могли обмениваться информацией.

Начальник цеха Николай Маркович Иванов имел репутацию жесткого, требовательного руководителя и действовал только авторитарными методами. А по-другому и быть не могло. Качество и сроки были законом для всех, и кто чувствовал, что выполнять такие требования ему не под силу, просился на работу в другой цех. Эту же ступень, но единственную подходящую в тех условиях системы тему Иванов перенял от А. М. Макарова, который периодически посещал цех, проводил оперативки. И не только интересовался, но и решал социальные вопросы, увольнял провинившихся. Однако он никогда не унижал людей, старался, чтобы каждый проникся важностью общего дела. Это была настоящая школа руководителя, в основе которой лежали

высокая дисциплина, обязательность, требовательность и уважительное отношение к людям. Для моего становления такая учеба была очень важна. Я учился, общаясь с людьми, никогда не повышать голос, не оскорблять их человеческое достоинство, обстоятельно доказывать необходимость или изменить отношение к своим обязанностям, или искать другую работу.

В начале 1971 года был закончен новый корпус сборочного цеха, который отвечал всем требованиям современной технологии, зафиксированы участки сборки и технологические передачи, созданы все условия для работы инженерно-технического персонала. Мы вышли на полный технологический цикл так называемого изделия "Сатана". Объем работы возрастал, однако Н. М. Иванов не стал увеличивать штат и справлялся прежним числом сотрудников. Конечно, уставали. Но в результате удалось увеличить зарплату и премиальный фонд. В цехе был дружный коллектив, много внимания уделялось решению социальных вопросов и воспитанию людей. Каждый год на заводе проводились спортивные соревнования, и по волейболу и футболу наша цеховая команда регулярно была в призерах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.